

МОНГОЛЬСКИЙ ЛИК ЕВРАЗИИ¹

А. В. Иванов²

THE MONGOLIAN FACE OF EURASIA

A. V. Ivanov

Летом 2009 года в рамках реализации совместного российско-монгольского проекта по исследованию цивилизационных констант внутренней Евразии мне вместе с профессорами Ю. В. Попковым (руководителем проекта с российской стороны) и М. Ю. Шишиным довелось проехать на машине от Улан-Батора через центральные районы Монголии до крайних западных ее пределов³.

В дороге было много запоминающихся встреч с представителями самых разных возрастов и социальных слоев современного монгольского общества: скотоводами и учеными, работниками органов государственной власти и учителями, студентами и пенсионерами. Везде мы встречали самый доброжелательный и теплый прием, и везде люди старались как можно более обстоятельно и честно ответить на вопросы социологической анкеты, посредством которой мы пытались выявить базовые идеалы и ценности, мировоззренческие установки и культур-

¹ Работа выполнена по проектам Международного конкурса РГНФ – МинОКН Монголии «Цивилизационные константы Внутренней Евразии: ценностные системы и мировоззренческие ориентиры» (№ 07-03-92203a/G) и «Цивилизационные константы Внутренней Евразии: монгольский ракурс» (№ 09-03-00443 e/G), а также экспедиционному проекту СО РАН 2009 г.

² Иванов Андрей Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Алтайского государственного аграрного университета.

Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_3/482-mon-face-of-evrazia.html

³ См. сообщение об экспедиции в статье Ю.В.Попкова и Ц.Хоохуу в этом номере, в рубрике «Научная жизнь».

ные доминанты, на которые ориентируются сегодня жители этой страны.

Обобщение и детальный теоретический анализ полученных эмпирических результатов – тема отдельного разговора, но есть потребность поделиться и личными впечатлениями от посещения нашего ближайшего соседа. Я и раньше неоднократно бывал в Монголии, но преимущественно в ее западной части (Ойроти). Посещение же Халхи (центральной и восточной части страны) существенно раздвинуло и обогатило мое видение прошлого и настоящего монгольского народа, позволило выявить такие черточки в его национальном характере, которые раньше ускользали от моего взора.

Хочется выразить глубокую человеческую и научную признательность нашим монгольским коллегам-ученым, сопровождавшим нас в долгом пути. Без их помощи в переводе вопросов социологических анкет, тонких комментариев и оценок полу-

ченных результатов мы никогда не смогли бы проникнуть в душу монголов и почувствовать биение духовного пульса их, действительно великой, культурной традиции. Особая наша благодарность доктору физ.-мат. наук, директору Института изучения монгольского Алтая профессору К. Цоохуу, который возглавлял экспедицию с монгольской стороны и чьи экспертные оценки были всегда предельно точны и, главное, искренни. Значительный вклад в успех экспедиции, подыто-

жившей нашу трехлетнюю работу по проекту, внес также проректор Ховдского государственного университета Х. Цэдэв. Без его самоотверженной научной и переводческой деятельности личные и научные взаимоотношения между российскими и монгольскими участниками проекта были бы существенно затруднены. Я, естественно, буду излагать сугубо личную точку зрения, но, надеюсь, ряд моих суждений относительно ценностных и психологических констант монгольской культуры все же будут вполне объективными и беспристрастными.

Первое впечатление от Монголии, о котором хочется рассказать, – это ощущение предельно родственного и близкого тебе культурного пространства, словно ты никуда и не уезжал из России. На уровне первичной человеческой интуиции, которая впоследствии только подтверждалась, можно вполне уверенно заявить: российская и монгольская культурная традиции безусловно спаяны общими евразийскими цивилизационными константами, а их простейшее эмпирическое проявление – **чувство психологической комфортности** в Монголии, **экзистенциальной комплиментарности** с ее народом, если использовать терминологию Л. Н. Гумилева. В европейских славянских землях, в той же Чехии и Словакии, это чувство не возникает. Там явственно ощущаешь себя инородцем в чужой культурной среде. Когда же сходишь с поезда на вокзале в том же Улан-Баторе, толовишь себя на мысли, что это – один из городов России, где разве что внешний антропологический тип отличается от славянского. А в манере общаться, шутить, жестикулировать – потрясающая, на мой взгляд, близость между русскими и монголами, разве что монгол более нетороплив и дольше раскачивается на какое-нибудь дело. Временной фон его существования отличается большими амплитудами и отчетливо выраженной циклич-

ностью, соответствующими естественным временным циклам его хозяйственной деятельности: рождению и забою скота, появлению первой весенней травы или молока у кобылиц и т.д. Возможно, что разная ритмика жизни монголов и русских просто отражает различие городской культуры с его доминантой линейного социального времени и культуры сельского типа, встроеной в естественные циклы природного времени. Но и эти различия в темпоральных константах не видятся мне кардинальными. Если сравнить нашего российского сельского жителя, особенно пастуха, то, думаю, отличия в переживании времени между ним и монголом не будут существенными. На самом деле, лишь две вещи постоянно напоминали нам о том, что мы все-таки гостим в стране с другой культурой и обычаями: это язык и кухня.

Кухня Монголии – исключительно кочевая, а, значит, мясная и предельно тяжелая для желудка представителей земледельческой русской культуры, выросших на овощных супах и кашах. Даже рыба – редкий гость на монгольском столе. До последнего времени они ее не ловили, поскольку по традиционным монгольским представлениям есть следует только то, что живет на земле, а не плавает под водой и не летает в небе. Нет также в монгольской кухне ни творога, ни сметаны, ни ряженки, столь привычных для русского человека. С другой стороны, изумительны на вкус и полезны в летний зной чаша свежего кумыса, сырчик из конского молока («арул») и особенно пенка от молока монгольского яка, называемая «урум». Последняя вообще восхитительна, образуя причудливую смесь нашей сметаны и европейского йогурта. Удивительно, но структура традиционного монгольского питания практически не изменилась со времен Чингисхана. Это – совершенно определенная и своеобразная константа кочевых народов Евра-

зии, прямо отражающая те экологические условия кочевого образа жизни, в которых они живут испокон веков. **Мясная диета – та пищевая константа, которая является органической частью их национального самосознания.** Здесь они близки тем же киргизам и казахам, хотя и в рамках пищевой кочевой цивилизационной константы есть свои существенные вариации и различия. Например, монголы не едят казахский бишбармак (вареная баранина с полосами теста и овощами), а казахи не практикуют монгольский хор-хох – варку мяса животного (овцы, козы) на огне в его собственной шкуре.

Надо иметь в виду, что механический поиск цивилизационных констант – дело почти бесперспективное. Сохранение какой-нибудь древней бытовой традиции или ценностной доминанты в чистом виде – довольно редкий этнокультурный феномен, этакий **«цивилизационный константный реликт»**, сохраняющийся только в неизменных хозяйственно-экологических нишах существования и при идеально отработанной технологии. Ярчайшим примером последнего служит традиционная деревянная двухколесная монгольская арба, куда впрягают яка для перевозки грузов. Строение колеса современной арбы почти полностью повторяет строение колеса скифской двухколесной повозки с той же самой системой клиньев и креплений. Мы имели возможность в этом убедиться, посетив Национальный музей в Улан-Баторе и специально вни-

мательно оглядев там выставочный экспонат, а через три дня обнаружив его почти точную копию на одной из скотоводческих стоянок. Удивительно, что срок службы качественно сделанного деревянного колеса, изготовленного по реликтовой технологии, достигает, по свидетельству местных жителей, 10 лет. Аналог реликтовой монгольской арбы автор видел на озерах Мещерского края, где по мелководным и густо заросшим камышом озерам местные жители передвигаются на узких лодках-долбленках, отталкиваясь шестом. Ничего более оптимального для передвижения по воде здесь не изобретешь, как не изобрести простому кочевнику-скотоводу с нехитрыми пожитками ничего более оптимального, чем подвижная, легкая и ходкая двухколесная арба с деревянными колесами в условиях каменистой и особенно горной степи.

Что касается языка, то раньше русский человек и здесь чувствовал себя как дома – монголы всех возрастов отлично говорили по-русски. Ныне, увы, ситуация с русским языком в Монголии совсем иная: по-русски сносно говорит старое и среднее поколение, а молодежь повально его не знает. Правда, не знает она и английского языка, который усиленно навязывался монголам в последние 15–20 лет. Дело в том, что его преподавание в школах и вузах ведется американцами из «Корпуса мира» и из миссионерских протестантских организаций. Профессиональные же преподаватели английского языка из США и Англии ехать в Монголию, ясное дело, не спешат, а без качественной методики обучить монголов фонетически и грамматически чуждому для них языку чрезвычайно трудно. В результате, в провинции даже официантки и работники гостиниц поголовно не говорят по-английски. Исключение составляет Улан-Батор, но оттуда прилично

знающие английский язык монголы уезжают за границу, в основном в Южную Корею, Японию и США. По нашим наблюдениям, которые, конечно, следовало бы сверить со взглядами филологов, связи между русским и монгольским языками гораздо более тесные, чем между монгольским и английским. И дело даже не только в том, что монголы пишут на нашей кириллице⁴, сколько в вековых евразийских лингвистических заимствованиях, особенно научного плана. Во всяком случае я могу совершенно определенно констатировать, что при чтении курсов по философии в Улан-Баторском государственном университете лекторы до сих пор сплошь и рядом используют русскую философскую терминологию в силу отсутствия соответствующих терминов на монгольском. Боюсь, что попытка переориентировать монгольскую науку с русского терминологического аппарата на английский бесследно для монгольского научного менталитета не пройдет. В каком-то смысле это будет прямой ломкой уже прочно сформировавшихся за последний век **научно-языковых культурных констант**. Да и на уровне бытовых заимствований связи между русским и монгольским языками очень прочны. Не вижу особых проблем и в фонетических различиях. Монгольский акцент при разговоре на русском языке гораздо менее явственен и не так раздражает слух, как, скажем, акцент немца или эстонца.

Неслучайно из уст самых разных людей мы слышали одну и ту же мысль: именно через русский язык Монголия приобщилась к вершинам современной научно-технической цивилизации, а ставка на другие иностранные языки себя культурно не очень оправдывает. И в последнее время здесь наметились явные перемены к лучшему: русский язык вновь возвращается в школы и вузы, и монгольское правительство на-

⁴ Разговоры о переводе их письменности на латиницу вроде бы окончательно заглохли.

мерено уделить самое серьезное внимание поддержке школ с его углубленным изучением. Расширяющееся российско-монгольское сотрудничество объективно требует этого. Отрадно, что регион Западной Сибири, особенно Алтайский край, оказался в лидерах этого процесса. В этом году на базе Алтайского государственного технического университета в аймачных центрах Западной Монголии – Ховде и Баян-Ульгии – были открыты курсы с углубленным изучением русского языка для поступающих в российские вузы. В рамках фонда «Русский мир» налаживается поставка отечественной учебной литературы в Монголию. Вроде бы положительно решен вопрос и о посылке наших профессоров в монгольские вузы. Все это дает основания надеяться, что те живительные культурные константы, которые сформировались в XX веке, не угаснут и в веке XXI, что было бы губительно для обеих наших евразийских культур. Совершенно то же самое, на мой взгляд, можно сказать и о российско-казахстанских отношениях, где процесс «этнокультурной притирки» уходит корнями в XVII-XIX века. Здесь подрыв сформировавшихся локальных цивилизационных констант может быть еще более болезненным.

В этой связи есть очень важная и отрадная тенденция, которую мы единодушно отметили в ходе экспедиции. После «перестроечного» интеллектуального и культурного обморока с обеих сторон, практически парализовавшего российско-монгольское сотрудничество в 1990-е гг., постепенно вновь приходит понимание фундаментальности и безальтернативности крепких и многогранных связей между двумя нашими братскими народами. «Старый друг лучше новых двух» – эту русскую поговорку нам не раз приходилось слышать от самых разных людей в ходе почти месячных скитаний по бескрайним монгольским сте-

пям. Дело в том, что чары «американской рыночно-демократической», равно как и «корейской культурно-буддийской» розовой мечты о «новом брате» за последние 5–10 лет сильно развеялись. За всеми благостными разговорами и обещаниями проступила голая капиталистическая правда: хищнический интерес американских и корейских фирм к природным ресурсам Монголии при полном равнодушии к ее национальным интересам и культурным традициям. Более дальновидно и гуманитарно ведут себя японцы, находя на монгольской земле корни собственной культуры и инвестируя деньги в ее науку, культуру и образование. Есть, однако, все основания считать, что и они в скором времени обнаружат свои сугубо прагматические интересы. Для нас – это тоже одно из косвенных свидетельств реальности и фундаментальности **общеэвразийских сверхвременных констант**, зримо отличающих этносы Евразии от западных и восточных народов. Жажда получить прямые геополитические, экономические и политические выгоды (здесь в бесспорных лидерах – США) или же добиться культурного доминирования (что особенно характерно для Китая) – все эти чужие ценностные

максимы сегодня остро переживаются и начинают отторгаться не только монголами, но в не меньшей степени и всеми другими народами бывшего СССР.

На этом фоне бескорыстная помощь русских в организации собственной монгольской системы образования, медицины, науки, транспорта,

руднодобывающей промышленности, строительства, связи, ветеринарии воспринимается сегодня как старая добрая сказка, которую надо бы вновь сделать былью. Ясно, что здесь никогда уже не будет ни старшего, ни младшего брата, ни шестнадцатой союзной республики аграрного профиля, а будет равноправное и взаимовыгодное сотрудничество во всех областях, которое России нужно не меньше, чем Монголии. Можно, пожалуй, даже сформулировать закон взаимного притяжения евразийских этносов, объединенных общими цивилизационными константами. Можно ослабить и даже временно заблокировать это цивилизационное взаимное тяготение, но вряд ли его можно полностью устранить. В свое время Г. В. Вернадский подметил эту закономерность периодического геополитического объединения и распада Евразии. Думается, что мы вновь вступили в период евразийской консолидации, когда константы начинают активно работать. Во всяком случае, очень хочется в это верить.

Подтверждением этих теоретических евразийских рассуждений, является все более активно идущий процесс возрождения культурных традиций той же Монголии, пробуждение ее поистине бездонной исторической памяти, сращенной в своих основаниях с исторической памятью других народов Евразии. Здесь проявляется еще одна очень любопытная цивилизационная закономерность: наличие латентных ценностных и поведенческих констант, как бы рецессивных, «спящих» генов культуры, которые, однако, способны резко «пробуждаться», когда для этого складываются благоприятные внешние обстоятельства. Причем реанимация этих ценностных традиций идет поразительно быстро, где подчас оживает то, что казалось безнадежно и навсегда утраченным. Это характерно, опять-таки, не только для Монголии, но и для

других евразийских этносов. Например, практически из небытия возродился сегодня алтайский шаманизм и традиции алтайского горлового пения – «кай». Традиционное казахское ювелирное искусство сегодня переживает подлинный Ренессанс⁵. Кстати, можно выделить безусловную «металлическую» и ювелирную константу Центральной Азии (которая, возможно, является и общемировой) – особую любовь к серебряной посуде и серебряным украшениям, доминирующим в быту, в женской обрядовой и свадебной одежде. Это во многом объясняется естественными свойствами серебра – его дезинфицирующим и целебными характеристиками в условиях жаркого климата и дефицита чистой воды. Любопытно, что в той же Монголии и сегодня можно довольно дешево (по нашим российским меркам) купить качественную чашу из чистого серебра, выполненную в традиционной технике с древними сакральными символами и знаками.

Возвращаясь к теме возрождения латентных культурных традиций и констант, хочется выделить еще некоторые из них. Так, практически во всех аймаках, по которым мы проезжали, есть свои священные природные объекты – перевалы и горы, родники и реки, священные деревья и долины. Они наделяются живой и чувствующей душой, что отмечено возведенными близ них каменными пирамидами «обо», украшенными синими и золотистыми лентами. Близ этих священных мест, как бы осевых, опорных точек монгольского культурного ландшафта⁶, нельзя кричать и сквернословить, рвать травы, рубить стволы

⁵ См. об этом в сборнике конференции: Единое культурное пространство Большого Алтая. Материалы международной конференции «Проблемы сохранения и развития культуры народов «Большого Алтая». Барнаул, 30.11. – 1.12.2008. Барнаул, Изд-во Фонда «Алтай–21 век», 2008.

⁶ И, опять-таки, наличие подобных сакральных мест характерно сегодня и для тувинцев, и для алтайцев, и для хакасов, что также вполне может трактоваться как цивилизационная константа Внутренней Евразии.

и сучья на дрова, разжигать костры и охотиться. Это может прогневать гения (или духа) данной местности. Человека, нарушившего покой «хайрхана» (так именуют духа той или иной горы монголы), ждет неминуемое и строгое наказание. Подавляющее большинство жителей (даже кандидаты и доктора наук!) искренне верят в это, и рассказывали нам бесчисленное количество случаев, когда срубивший дерево на священном склоне тяжело заболел, а убивший косулю близ святого источника терял кого-то из близких родственников. «Предрассудки», –

иронично ухмыльнется какой-нибудь «рационалист»-горожанин, но для проехавших по россыпи монгольских дорог все эти истории вовсе не кажутся мифами наивного сознания. За ними чувствуется какая-то глубинная и забытая нами природная правда, к по-

знанию которой только-только начала подступаться экспериментальная наука, и можно быть уверенным, что на этом пути нас еще ждут величайшие научные открытия. Вообще все, что связано с традиционными ценностными константами, устойчивыми во времени и пространстве, должно интересовать вовсе не только гуманитарные, но естественные и технические науки. Через это можно прийти к открытию и новых важных психофизических закономерностей, и новых источников энергии, и новых технологий.

Очень важная мировоззренческая константа монголов – **его глубинный экологизм**. Экологический характер традиционного сознания

монголов нашел, в частности, очень важное и положительное, на мой взгляд, проявление в их политической жизни. Так, в честь горы Оттонтэнгэр – главной вершины их священного хребта Хангай – один раз в четыре года обряд поклонения совершает сам президент Монголии вместе со всем правительством. Этим естественно задается шкала подлинных ценностей этого мира, а молодежь получает не только экологический, но и духовный урок почитания высшего и прекрасного. Считается, что гора Оттонтэнгэр отзывается на все боли и радости всех жителей Монголии и доносит их молитвы до высших небес. Нам довелось созерцать эту вершину погожим днем с одного из перевалов близ города Улиастая. По свидетельству нашего монгольского проводника, Оттонтэнгэр открывается далеко не каждому человеку. Гора и вправду походит на живое отверстие сердце, словно устремленное в небеса. Созерцая такую красоту природных линий и красок, человек поневоле испытывает чувства благоговения и восхищения, возвышающие его душу над тленом и суетой повседневного быта. И под сенью этой величественной горной вершины, которой монголы поклонялись и сто, и тысячу лет назад, становится совершенно понятным, что такому признанию абсолютных и вечных ценностей бытия не только могут, но и должны учиться представители так называемых «развитых» демократий, где сегодня оказалась явно утраченной грань между добром и злом, достойным и недостойным, высоким и низким, и где, похоже, главной «моральной» задачей стала борьба за права сексуальных и религиозных меньшинств, а не за добро, красоту и истину.

Этому почитанию природных и культурных святынь стоит поучиться и нам русским, отравившим свои великие озера и реки и готовым ради наживы жертвовать своим бесценным достоянием, типа Ка-

туни или плоскогорья Укок у нас на Алтае. А ведь и в нашей русской культурно-исторической традиции есть эта латентная, спящая **ценностная константа почитания природных святынь**, которая восходит к универсальному земледельческому языческому культу Земли-Кормилицы, сохранявшемуся в течение столетий и в рамках православного русского мировоззрения. Здесь достаточно вспомнить о легендарном озере Светлояре, где град Китеж под воду ушел; о священных источниках Троице-Сергиевой Лавры, Псково-Печерского и Савво-Сторожевского монастырей; о святых горах, рощах и пещерах. В этой связи вспоминаются легенды о Святогоре-богатыре, о Микуле Селяниновиче, в суме носящего тягу земную. Живыми мыслились нашим предкам и их коренные реки, типа Волги, Днепра, Оки, куда нельзя было плевать и на берегу которых нельзя было сквернословить. Что уж говорить о том, что захламление их русел и берегов, вырубка прибрежного кустарника и деревьев мыслились как величайшее святотатство, за которыми должна последовать неминуемая расплата. **Честно говоря, именно эту общеевразийскую культурную константу сбережения природных святынь нам надо возрождать в России в первую очередь.**

Не все, однако, так хорошо обстоит с экологией и у монголов. Отнюдь не все они следуют императиву природоохранных констант, особенно в условиях разгула рыночной экономики. Нам рассказали, что местные корыстные чиновники продали иностранцам под разработку недр некоторых сакральных территорий, типа священной горы Сутай в Ховдском аймаке, на склоне которой обнаружены залежи коксующихся углей. Это чревато в будущем серьезными социальными потрясениями типа тех, что произошли в Упсунурском аймаке. Там жители с оружием в руках вышли защищать свои природные святыни, и

дельцы вынуждены были отступить. Подобной решительности в борьбе с чиновничьей продажностью и капиталистическим хамством нам также не грех поучиться; и это как раз та возможная цивилизационная константа, которую нам надо срочно и соборно формировать, пока есть что еще сохранять в нашей российской природе.

Перехожу теперь к еще одной важной теме – возрождению культурных и религиозных констант в братской соседней стране. Судьбе было угодно, чтобы мы встретились с одним из влиятельных духовных лиц Монголии – ламой Пуревбатом из монастыря Гандан в Улан-Баторе. Этот человек, не достигший еще и сорокапятилетнего возраста, внес большой вклад в возрождение традиционного буддийского искусства Монголии. Являясь одновременно и самобытным художником, и крупным теоретиком искусства, лама Пуревбат написал уже несколько фундаментальных монографий по истории и теории буддийской живописи, скульптуры и архитектуры. В его лице великое буддийское прошлое Монголии, словно, сомкнулось с настоящим. Он основал в монастыре Гандан живописную мастерскую, является президентом Монгольского института буддийского искусства, почетным доктором Академии искусств Монголии, лауреатом высшей национальной художественной премии за возрождение тридцати шести культурных традиций Монголии. Одновременно лама Пуревбат – выдающийся знаток буддийской медицины, психотехники и философии, обладающий колоссальной научной эрудицией, творческой энергией и мудростью истинного учителя. Он – неутомимый проповедник буддийских ценностей среди широких слоев монгольского общества.

Трудами таких духовных подвижников, как лама Пуревбат, буддизм в Монголии переживает сегодня подлинный Ренессанс. В другом

монастыре Эрдэнэ-дзу – авторитетнейшем и старейшем в Монголии, расположенном в ее древней столице Каракоруме – мы видели сотни паломников со всех концов страны, жаждущих приобщиться к сокровенным буддийским святыням. Двигаясь по ходу солнца слева направо и вращая молитвенные колеса хурдэ со словами буддийских молитв и благопожеланий, они обходят по периметру буддийские храмы, в центре которых перед изображением Будды и боддхисаттв, достигших просветление и избавления от страданий, ламы нараспев читают строки священного буддийского канона Ганьчжур в сто восемь томов. Ровно сто восемь ступ окружают по периметру и стены Эрдэнэ-дзу; то же сакральное число сто восемь определяет количество бусин на традиционных буддийских четках. Сто восемь раз желательно повторить молитву у священных мест, дабы желание исполнилось. **Число 108 – сакральная числовая константа монголов.**

Увы, большинство буддийских святынь и монастырей, включая Гандан и Эрдэнэ-дзу, были разрушены в 1936–1937 гг. воинствующими безбожниками, а ламы, жившие в них, расстреляны. Тот же лама Пуревбат обнаружил близ столицы останки шестиста убитых лам и, совершив поминальный обряд, воздвиг на месте их погребения буддийскую ступу. Горько осознавать, что монгольское атеистическое насилие над духовными лицами было осуществлено не без влияния отечественного атеистического мракобесия. Надо свято помнить и делать ставку на все хорошее и доброе, что было во взаимоотношениях между народами, но не забывать и про горькие страницы, дабы они не повторились. Но самое главное, от воинствующего мракобесия – не важно, коммунистического или капиталистического – **должны быть ограждены краеугольные природные и культурные константы евразийских на-**

родов и их носители – природные и культурные святыни. Святыни – вечные и живые ключи культуры в двуедином значении этого русского слова: из них вытекает река краеугольных ценностей и смыслов данной этнокультурной общности, а, приобщившись к ним, человек получает ключ к духовным сокровищам того или иного народа.

И почему-то очень хочется верить, что есть незримая связь между монастырем Гандан и Троице-Сергиевой Лаврой – духовными оплотами монгольского и русского народов, ибо не могут подвижники и праведники разных религий противостоять друг другу. Напротив, они стоят сегодня в одном строю, сражаясь против тьмы невежества и эгоизма, национальной и религиозной розни, защищая природные и культурные святыни своих народов – общие и вечные константы многонациональной Евразии.

Фото Ю. В. Попкова